

Марк Бурно,
доцент психотерапии

Поздняя весна

Пьеса в 3-х действиях для
Реалистического психотерапевтического театра

Москва
Российское общество медиков-литераторов
2000

Комната Хасана
Рис. Кошкаровой Р.

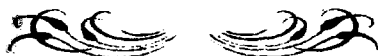
Марк Бурно,
доцент психотерапии

Поздняя весна

Пьеса в 3-х действиях
для
Реалистического психотерапевтического театра

Москва
Российское общество медиков-литераторов
1997

ББК 56.14 Б 916
УДК 616.89-008+616.89-085

Бурно М.Е. Поздняя весна (пьеса в 3-х действиях для Реалистического психотерапевтического театра). М.: Издательство Российского общества медиков-литераторов, 1997. – 29 с.

В авторской редакции

Бурно Марк Евгеньевич – доцент кафедры психотерапии Российской медицинской академии последиplomного образования (Москва), действительный член Московской психотерапевтической академии, объединяющей специалистов, серьезно-психотерапевтически обращенных многими своими работами к широкой аудитории читателей, слушателей, зрителей; руководитель Реалистического психотерапевтического театра (Независимая психиатрическая ассоциация России, кафедра психотерапии РМАПО, Московский наркологический диспансер № 1). Художественный руководитель театра – сотрудник кафедры психотерапии РМАПО – Елизавета Юльевна Будницкая. Телефон - 2754567.

Издание осуществлено за счет средств автора

© Бурно Марк Евгеньевич, 1997

ISBN 5-89256-013-9

Лицензия ЛР № 030472 от 6.1.93 г. Техн.редактор А.С.Соколов

Формат 60x84.16 Печ.л. 1,9 Тираж 300 экз Заказ **1262** 21.4.97 г.

Изд-во Российского общества медиков-литераторов
109280, Москва, 2-й Автозаводской проезд. 4/5

Типография МЭИ, Красноказарменная, 13

Действующие лица:

Хасан, 38 лет, художник

Валентина, 40 лет, бывшая его жена, школьная учительница истории

Юля, 12 лет, их дочь, ученица 6-го класса

Ольга, 36 лет, сестра Валентины, инженер

Сергей, 23 лет, двоюродный брат Валентины

Виктор, 37 лет, фотограф, сосед по лестничной площадке

Светлана, 36 лет, продавец в булочной, соседка этажом ниже

Александр, 36 лет, брат Светланы и товарищ Хасана, писатель

Вадим, 39 лет, предприниматель.

События, переживания происходят в одной из московских квартир весной 1996 года.

Действие первое

Комната Хасана. Старый диван, несколько стульев. Письменный стол, на котором книги и ваза с кистями для рисования. У окна мольберт с незаконченной настольно-акварельной картиной "Крупный майский жук среди желтых одуванчиков". Другие картины, этюды Хасана на стенах: "Стрекоза и незабудки", "Кратива и лопухи", "Воробей и со-сульки" и т.п. Еще на стене - старый коврик: "Лиса и Журавль возле кувшина" (из русской народной сказки). Печальный Хасан стоит с кистью и палитрой перед мольбертом. Перед ним рассерженная Валентина. Солнечный вечер.

Валентина. Хасанчик, мы с мамой пустили тебя сюда...

Хасан. Валя, ну это же родная моя комната... Когда в дет-

стве болел с температурой, подолгу смотрел, закутавшись в одеяло, на этих Лису и Журавля. Старинная мебель покойных моих родителей стоит теперь в ваших с тещей комнатах с высокими потолками, художественной лепкой.

Валентина. Пожалуйста, не попрекай нас своим жалким голосом. Мама и так меня замучила: лучше б ты училась не в Москве, а в Тамбове. Там бы мы сейчас и жили в спокойствии и богатстве. И квартира была б не меньше. В Тамбове за мной ухаживал Степан, теперь он банкир. Господи, зачем мы с тобой встретились здесь двадцать лет назад и так спешно поженились! Зачем мне эта шумная Москва! Из-за тебя состарилась раньше времени. А сколько лет жизни ты взял у мамы! Она уж совсем плоха, с одышкой.

Хасан. И мои родители умерли. Некому теперь защитить меня от вас.

Валентина. Когда ты здесь, бедная моя мама прячется куда-нибудь, чтобы поменьше дышать с тобою, обманщиком, одним воздухом, меньше чувствовать твое поле. Вон, включила у себя телевизор на полную громкость, чтоб твою дурную энергию им перебить. Не забывай, что с нами живет твоя, наша дочь. Мы должны защищать ее от тебя, а то ведь испоганишь еще и Юлечкину жизнь.

Хасан. Но в чём, в чём виноват я перед вами? Почему обманщик? Кого обманул?

Валентина. Да, мы знаем, ты болен, вон – лечишься творчеством и принимаешь какие-то таблетки от диспансера, но ведь ты еще и хулиган. *(Пауза.)* Давай поскорее, Хасанчик, договоримся с тобою об одном деле. А то Юлечка услышит, и Оля наша приехала. Еще будут сегодня гости. Итак, на кладбище невыносимо тесно, купить лоскуток земли для могилы невозможно. Ты даешь нам место в кладбищенской ограде, где лежат твой дед и твои родители... Кстати, Юле будет близко, удобно в свое время навещать там и бабушку, и меня. Мы же обещаем за это по-доброму относиться к тебе,

когда будешь приходить сюда к Юле.

Хасан. А нельзя мне за это остаться жить в своей комнате? Обещаю быть тихим, покладистым соседом.

Валентина. Нет, Хасан, ты будешь приходить сюда к Юле раз в месяц на час-другой и на весь вечер, если у нас гости.

Хасан. За час-другой ничего же не успею нарисовать. И не могу так редко видеть Юлю. Снова поджидать ее где-то на улице, прячась от вас?.. Комната моя ведь все равно пустует, как запертый музей детства.

Валентина. Нет, Хасанчик, иначе нельзя. А то будешь выходить на кухню заваривать чай, что-то себе готовить... Мама этого не перенесет, умрет тут же. Многие думают, что ты еще мой муж, и потому, пожалуйста, слушайся меня.

Хасан. Я буду обедать тут недалеко, в дешевой столовой, буду тихо-тихо ходить...

Валентина. Нет, ты все-таки чужой, неприятный нам человек, загрязнившийся всякими несчастными, жалостливыми к тебе одинокими, спившимися старухами, у которых, мы знаем, по очереди подолгу живешь.

Хасан. Но где же мне было жить все эти четыре года, что вы меня выгнали? Я не могу у этих старушек, в чужих стенах, рисовать настоящее, одухотворенное, а только всякую банальщину для продажи на улице. И потом если я, в самом деле, грязный мерзавец, какой-то там обманщик, то как же вам будет лежать со мной в одной кладбищенской ограде?

Валентина. Мы там хотя бы не будем видеть твою страдальческую рожу, потому что все тогда будем смотреть вверх. Советую тебе подумать до конца сегодняшнего вечера. Иначе будет поздно. В моей жизни возможны перемены.

Хасан. Валя, за что так ненавидишь меня? Почему я обманщик?

Валентина. Ты художник, но не понимаешь, что настоящей женщине мало хлеба, каши и чая. Я ведь недурна

собою, а одета, как нищенка, хуже нашей учительницы географии. Кто должен обеспечить женщину, свою семью яркой полнокровной жизнью? Боже мой, это же так элементарно! За твоих жуков и стрекоз (*показывает картины на стенах*) тебе дают смешные гроши. Кому эти насекомые в крапиве нужны? Только Юльке. Наконец, я живая женщина. Я хочу получить свое удовольствие в жизни не только с учителем физкультуры, украдкой. (*Плачет.*) У нас нет даже порядочного пылесоса, который только в себя всасывал бы пыль, а не назад выплевывал. Юлечка худая, бледно-серая от неполноценного питания. Ты же только жаловался на всякие свои болячки, в истерики впадал.

Хасан. Но и ты бог знает что кричала мне. И тоже тряслась.

Валентина. Я женщина. А ты вялый, тоскливый судак, на диване валяешься. И еще все пытался наши отношения выяснять в духе Достоевщины, тыфу! Понимаешь хоть, что ты меня, несмышленную студентку, вылупившую глаза на столичного художника, надул? Художник... Счастье, если пригласят овощной магазин огурцами и тыквами расписать.

Хасан. Вы с тещей столько лет не гнушались нашей бедности с продуктовыми заказами по праздникам.

Валентина. Ну да, мама бывший партийный работник, я и сейчас преподаю историю, но жизнь-то переменялась. Мама на пенсии. Я теперь преподаю историю наоборот. А ты к новой жизни приспособиться не сумел. Чего же ты от меня хочешь? Мужчина должен быть мастер любви и добытчик, практик. А ты даже оплату за квартиру толком не можешь рассчитать. Да еще дико орешь, заворачиваешься в ковер в своих истериках.

Хасан. Я же предупреждал перед женитьбой, что быстро устаю, рассеян, тревожен, и о психиатрическом диспансере сказал. И о том, как выставку моих картин запретили в кино-театре за пессимизм. Стараюсь яркими красками отодвинуть,

прогнать тоску-тревогу, а она все равно пролезает и в сердце, и в картины. Прости, Валя, что я тебя тогда, в декабре, ударил.

Валентина. Есть совсем сумасшедшие художники, но картины их стоят бешеные деньги! Женщине необходимо стабильное счастье в богатстве, в утонченной захватывающей чувственности, и чтобы не спешить в это время куда-то на работу. Смог ты мне это дать? Нет. Значит, обманул, обманул на всю мою несчастную жизнь. Я, конечно, ищу человека, но зачем я богатому, яркому мужчине в мои сорок лет? К нему трепетные девушки прибегут. *(Задумчиво.)* Вот если только опять какой-нибудь чокнутый, но хоть богатый на этот раз... *(Уходит.)*

Хасан опускается на стул, закрывает лицо руками. Плечи его вздрагивают, потом трясутся. Хасан начинает зловеще выть. Вбегает Юля, обнимает отца.

Юля. Папочка, не надо! Милый, хороший, успокойся! *(Гладит его. Хасан сразу успокаивается.)* Спасибо тебе за клубнику. Мы порисуем ее красками, да? Ты чудесный. Бабушка и мама тоже хорошие, но они не понимают, что тебе, как и мне, тоже ничего не нужно, кроме каши с чаем и еще - красками рисовать.

Хасан. Это сейчас так, Юлечка. А завтра захочется ананас и рафаэллу. Я ведь, в самом деле, ужасный. Помнишь, какая ярость на меня накатывала, когда вместе жили? Как бабушку обижал? Как маму ударил? Даже милицию вызывали. Но сегодня сдержался. Правда, вот, заплакал. Я утром побольше таблеток принял, чтобы сдержаться. И ты мне помогла. И еще лужайка наша под окном вспомнилась - тоже легче, светлее стало. Вспомнились липы, клены, крапива, лопухи. Там так тихо, хорошо с живой природой, с ее внутренним, затаенным согласием, с ее красочной добротой. Скоро там зацветет красный клевер и вдруг затрещит соловей в кустах желтой акации, как прошлой весной... Ругаюсь, дерусь, и в то

же время такой я растерянный-беспомощный в этой жизни. Робею на улице или в салоне лишний рубль за свою картину попросить. Только бы ты была покрепче меня! Я виноват перед тобою, за то, что мало тебя люблю. То есть для себя много, а для тебя мало, без настоящих подарков.

Юля (*гладит отца, целует в голову, рассматривает картины на стенах*). Папа, а как вот так нарисовать майского жука, чтоб слышно было, как он жужжит. И как нарисовать крапиву, чтоб чувствовалось, что она сердитая и кусает?

Занавес.

Действие второе.

Та же комната примерно через час. За окном посерело. Мольберт отодвинут к стене. На столе букет трав и цветов, сорванных под окном, горящая свеча, и рядом негромко включен магнитофон. Под песни Джо Дассена, переговариваясь, танцуют четыре пары: Хасан с Юлей, Виктор со Светланой, Вадим с Валентиной, Сергей с Ольгой. Александр, с тоскливо опущенной головой, одиноко сидит на стуле.

Валентина. Господа, как хорошо, что вы к нам пришли, а то какая же была скучища.

Сергей. А как там моя тетушка Серафима Спиридоновна? Вот я старинный анекдот расскажу. Ты, говорит, чего такой черный? А он ему отвечает: тещу провожал, паровоз целовал. (*Хохочет.*)

Валентина. Прекрати, Сережка! Мама, наконец, прилегла. Скучно, господа!

Александр. Может быть, конечно, тоскливо, больно на душе, но не может быть скучно в последние майские дни. Зелень еще пышно-мягкая, светло-зеленая! Еще не опушились желтые одуванчики, не зацвели травы. Голубенькая вероника в траве, глухая крапива с белыми цветочками... Трепетная,

бархатная жизнь растений поздней весной. Через полмесяца, в жару, все потемнеет и потвердеет, порастет купырем и снытью, а сейчас, как говорит Хасан, такое чудесное, великое, нежное согласие на лужайке.

Виктор. Если ночью будет дождь, наутро, в пасмурности, желтые солнышки одуванчиков не раскроются, и рядом с ними, среди мокрых лопухов, ежи, мятликов, гусиной лапчатки, возможно, будет сидеть ворона. Как бы я хотел сделать такой снимок...

Светлана. И меня посади рядом с этой вороной.

Виктор. Уже лютики раскрывают свои желтые блестящие рожицы. Они такие же живые, как мы. Тоже дышат, пронизаны сосудами, несущими питательные соки, как наша кровеносная система. Тоже пьют воду, в жару жадно. И у них тоже кожа, как у нас. Когда снимаю природу, чувствую свою волшебную включенность в мудрый, дивный ее организм. Только людям трудно понять друг друга и согласиться между собою. Трудно, как Лисе с Журавлем.

Ольга. Хасан, майский жук сел на березу?

Хасан. Жук упал в лопухи.

Ольга. Хорошо, не в крапиву к вороне.

Сергей. Стрекоза с перламутровой мордой повисла над ромашками.

Светлана. Хасан, что ты сказал этим самым жуком Ольге?

Хасан. Мой дед и отец были сапожниками, но любили читать книги о природе и тоже так радовались этой нашей лужайке под окнами. Рассматривали цветы, травы, искали их в ботаническом атласе Монтеверде.

Александр. Абсолютное согласие в природе, конечно же, невозможно. Всюду борьба. Но в жизни растений и животных нет зла и добра. Волк не понимает, что творит зло зайцу, а заяц не понимает, что творит зло травке, которую ест. Все на свете вот так сражается, но когда это происходит без соз-

нательного намерения зла - получается прекрасная лужайка.

Светлана. Многие снова сейчас хотят в серый, бедный социализм. Хотят духовной тюрьмы и гнилой десятикопеечной картошки впрок.

Вадим. И я хочу?

Валентина. Разрешите представить вам, господа, моего друга Вадима, предпринимателя, у него два магазина французского и итальянского платья в Москве и один в Петербурге.

Вадим (смущенно). Знакомого - так точнее. Валентина - школьная учительница моей дочери. Простите, я очень застенчив. I am very, very shy. [*Ай эм верри, верри шай*]. Я часто наговорю всякие слова только для того, чтобы кое-как спрятаться за них. Что же мне сказать? Надо что-то сказать... Вот вспоминаю маленькую пиццерию в Риме, где ел свою первую настоящую итальянскую пиццу.

Светлана. Вы так скромно, элегантно одеты.

Вадим. Положение обязывает. Покойная жена была мне помощницей. И языки знала, и компьютер. Но вдруг умерла от инсульта в тридцать восемь лет. Конечно, накуривалась и напивалась до невозможности.

Валентина. Вадим, пожалуйста, скажите мне какое-нибудь хорошее, доброе слово.

Вадим. Сейчас дорасскажу про жену, а потом...

Сергей. Отчего же вам не жениться теперь на моей кузине? Она ради этого и языки выучит, и...

Вадим. Просил бы оставить эти несерьезные в обстановке французских танцев разговоры.

Сергей. Вас смущает, быть может, Валино большевистское прошлое?

Вадим. Нет, отчего же! Мои родители тоже упоенно верили в коммунизм.

Сергей. И, значит, ваш начальный капитал - это золото партии?

Вадим (раздраженно). Может быть, вам еще сказать номер моего счета в швейцарском банке?

Виктор. Ох, погубите себя, господин Вадим, такими откровениями.

Сергей. Нашлет кто-нибудь рэкетиров! (Хохочет.) Ох, хорошо, ох удовольствие себе доставил.

Ольга (Валентине). Кстати, сестра, а где же твои пироги?

Валентина (показывает на свои надутые щёки). Вот они! Но Вадим принес целую корзину волшебных пирожных и обалденный чай "Суданская роза".

Сергей. Вот и брюху своему приятность сделаю! Меняемся! Change! /Чейндж!/ Дамы выбирают кавалеров!

Светлана выбирает Хасана, Юля - Сергея, Оля - Виктора. Только Валентина не отпускает все мрачнющего Вадима. То танцуют, то разговаривают стоя или усевшись на стулья.

Виктор. Хасан, а у деда и отца много было детей?

Хасан. Много. Потому и квартира такая громадная. Советская власть дала после революции. Здесь профессор философии жил, его выслали из страны. Видно, мой исход из этой квартиры - расплата судьбы со мной за русского философа. Узнать бы хоть его имя... Теперь печатают русскую философию. Я вот читаю Бердяева и думаю: может быть он жил в этой квартире?

Виктор. А где твои родственники?

Хасан. На родине предков - в Астрахани. Да и меня туда Валентина с тещей прогоняли. Мы ведь крещёные татары, астраханские. Но я люблю Москву, этот дивный, родной дом, Юлечку, лужайку, всех вас, даже Валю. Да и на родном языке толком не умею говорить. Я москвич.

Хасан со Светланой, танцуя, отходят от остальных танцующих на авансцену и разговаривают между собою вполголоса.

Хасан. У тебя сегодня высокие каблукки. Ты почти с меня ростом.

Светлана. Хочешь, сниму туфли?

Хасан. Нет, что ты! Зачем?

Светлана. Я хочу, чтобы тебе захотелось поцеловать меня.

Хасан. Зачем?

Светлана. Хочется от жизни совсем простого: ни пирожных, ни бешеной хмельной страсти... Я даже не жалею, что детей Бог не дал ни с прежними, ни с последним моим другом. Он так некрасиво, кстати, от меня ушел, но я уже на него не обижаюсь. А хочется, чтобы был со мной мой единственный. Тот, которому нужна больше всего на свете... Чтобы он мог и деньги, и машину, и квартиру выкинуть на помойку - ради меня. И чтобы он всегда меня ждал. И еще чтобы он нежно прикасался ко мне не меньше двенадцати раз в день. Любить только в мечтах, письмах я не способна. Ведь эти теплые прикосновения нужны даже моей собаке!

Хасан. А какая у тебя сейчас собака?

Светлана. Доберман-пинчер, девочка.

Хасан. А-а... Говорят, немецкие овчарки этого не любят.

Светлана. Разные бывают овчарки.

Хасан. Тебя Витя любит.

Светлана. Витя слишком неуверен в себе для настоящего чувства.

Хасан. У Вити одухотворенные фотографические пейзажи. Просто ты не открыла еще в нем эту тихую нежность для себя. Фотография, кстати, по-русски "светопись".

Светлана. И руки у него желтые от табака и проявителя.

Хасан. А у меня в красках. (Пауза.) Знаешь, в Витиных фотографиях живет настроение - напряженно-тревожное, порою тяжелое до черноты, но всегда с застенчивым солнечным зайчиком надежды. Где застенчивость, там ведь и неж-

ность. Даже не могу с этих его фотографий срисовывать какие-то детали картин, потому что фотографии Вити – сами по себе искусство, то есть переживание, его душа.

Светлана. Может быть, и так... Но, видишь ли, Витя никогда не сможет так чувствовать меня, как ты. Я испытала это с тобой лишь однажды, четыре года назад, если, конечно, помнишь. Чуть с ума тогда не сошла. Я только с тобой поняла, что в любви все дозволено и можно ничего не уметь, не мочь, кроме нежности. Хасан, за один час ты вырастил во мне такой сад! Он до сих пор цветет среди нашей серой жизни. Поцелуй меня.

Хасан. Это вышло как-то нечаянно, от зеленой тоски и под пьяную лавочку. Виноват перед Витей, надо ему, наконец, это рассказать. И ты меня прости. Почти ничего не помню и, кажется, ничего не чувствовал. Не смогу уже никогда прикоснуться к Валентине, но и ни к кому больше. У меня такое чувство, что, изменяя физически бывшей жене, я как-то изменяю и Юлечке.

Светлана. Твоя бывшая жена – жалкая истерическая дура. А я еще хуже. *(Пауза.)* Я, конечно, знаю, Хасанчик, что всегдашеньки мне быть одной. Хотя у меня и отдельная квартира, и зарабатываю неплохо в булочной «Ольха». Но вот когда привыкаю к человеку так, что больше уже не стесняюсь его, начинаю часто на него обижаться, злиться-раздражаться, а то и нестерпимо истерически кричу в депрессии. Меня в моей булочной еще терпят, наверно, потому, что успеваю в своем сумасшествии куда-нибудь спрятаться или убежать. Да я там и не так расхожусь, как наедине с тем, кого уже не стесняюсь. Вот последний мой друг и все прежние за это меня бросили, пятками засверкали. А тебя я еще стесняюсь.

Хасан. И у нас с тобою...

Светлана. Я тебя не жениться зову. Мужем моим мог бы быть не только умный, тонкий, преданный мне человек, но еще и непременно чтоб он был врожденный психотерапевт,

который грел бы меня своим здоровым сильным теплом и терпел бы все мои ежедневные депрессивные капризы. На это, знаю, не способны ни ты, ни Витя. Я ведь слышала с другого этажа, как ты сам истошно кричишь. И Витя уж тысячу раз с медвежьим ревом убегал от меня в свою берлогу. Благо, рядом.

Хасан. Может, тебе какие лекарства помогут?

Светлана. Да я уж шесть лет в диспансер не ходила. От лекарств голова тупая-дурная. Так что вместо единственного-неповторимого рядом со мною всегда будет существовать вакуум его формы. Другая, может быть, могла бы наполнить этот вакуум мечтами, письмами издалека, а нам, волкам, и духовность, и нежность, и вместе с ними живое мясо подавай. Вот только здесь, со всеми вами, немного и отогреваюсь время от времени.

Хасан и Светлана, танцую, приближаются к другим танцующим парам.

Сергей (Валентине) А скажи, кузинушка, почему, когда гости, ты приглашаешь и Хасана?

Ольга. Чтобы показать нам, что у нее все-таки есть муж, хоть и бывший.

Валентина. Нужен мне больно такой бывший муж! Вадик, расскажите, как вы летели недавно в Нью-Йорк.

Вадим. Представьте себе - над Гренландией. Был ясный день, виделись какие-то бесконечные черные горы, осыпанные снегом, а в океане - айсберги. Это вам не лужайка с крапивой. Если бы я не конфузился, я рассказал бы еще такое...

Александр. А я - как замороженный антидепрессантами гренландский айсберг. Если бы мои рассказы оживляли меня, вселяли смысл в душу, я принимал бы меньше таблеток. Мог бы танцевать красиво, как Хасан. *(Пауза.)* Без лекарств всякая дурная подозрительность прорывается. С лекарствами плохо, без них еще хуже. Такая уж судьба...

Юля. Дядя Александр, почитаете сегодня свои рассказы?

Александр. Если хочешь, Юленька... Я стесняюсь свои рассказы читать. Рассказ - это ведь душа человека, как и картина, рисунок. Душа Хасана или моя душа. Дети, рисуя, не стесняются показывать друг другу свои души, потому что не понимают, что тут происходит. И я в детстве не стеснялся...

Ольга. Напиши, Александр, про женщину, инженера-конструктора, кабинетную молчаливо-загадочную курицу, которая приезжает сюда ежегодно на день-другой из своего Оренбурга...

Валентина. Чтобы пожаловаться сестре на мужа, который в хронической белой горячке лупит ее по ночам кочергой.

Светлана. Боже мой, господа, какие мы все скучно, обыденно несчастные! Хоть бы какая-нибудь болезнь Меньера или трюфеля, салат-оливье, а то белая горячка, водка, селедка, кочерга...

Ольга. Я приезжаю всегда в последние дни мая, когда возле вашего старого дома нежная пышность разнообразных растений. Сколько тут чистяка, незабудок, лютиков, но мне особенно по душе скромные цветы пастушьей сумки среди лопухов.

Виктор. В ателье, где работаю, только и делаю скучные портреты скучных людей - для заграничного паспорта, для обычного. А тут на лужайке, снимаю черно-белые портреты цветов и трав. Не хочется снимать в цвете. Черно-белое глубже, духовнее.

Ольга. У меня дома висят и Витины снимки, и Хасановы этюды, и Юлина картина "Шмель на клевере". Какой чудесный медвежонок - этот шмель.

Виктор. Это все мы там с тобою через свои картинки духовно общаемся...

Александр. Когда помрем, эти картины, фотографии, если не выбросят их, конечно, станут людям будущего рассказывать, как чувствовали, переживали жизнь те, кто рисовал,

снимал их. Боже мой, все это так просто и одновременно волшебю. Мне в моей депрессии думается, что вот в каждом из нас идет генетически заданный отсчет времени. И если переключить сейчас рычаг лет на сто, то никого из нас уже точно в жизни не будет. А чудо поздней, пышной весны еще долго будет происходить.

Юля. Зачем же люди живут, если все равно умрут?

Александр. Чтобы приносить друг другу по два грамма добра или по два грамма зла.

Светлана. Чтобы любить! А то и сегодняшний день уже кончается... Чтобы любить...

Александр. Так это и есть Добро...

Виктор. Хотелось бы, конечно, немного после смерти задержаться душой в своих пейзажах на стенах. И, наверно, этого маленького бессмертия с меня довольно, чтобы выполнить свое предназначение.

Сергей. Все умершего деда вспоминаю. Мало его упрекал за курение - вот рак легкого с ним и приключился. Дед был морской врач, про Африку мне рассказывал. Так щемит душу...

Валентина. Это ты теперь уже не для него переживаешь, а для себя.

Виктор. И я бы хотел, чтобы про меня вот так после моей смерти кто-то переживал. Мне кажется, я бы этим переживанием обо мне другого человека продолжал бы сам жить.

Сергей и Юля, танцующ, отходя от остальных пар на авансцену.

Сергей. Не забывай, крошка, что я почти вдвое старше тебя и уже почти психиатр. Обращайся ко мне на "вы".

Юля. Сергей Прокофьевич...

Сергей. Ох, как достойно, уютно мне!.. Ну-ну, продолжай.

Юля. А это правда, что если бы у меня была собака и я бы ее разлюбила, она могла бы от этого умереть?

Сергей. Нет, не укладывается что-то в учение об условных рефлексах. Но что-то в этом есть таинственно-прекрасное, какая-то суть жизни.

Юля. У моей подружки случилось такое с пуделем. (Пауза.) Сергей Прокофьевич, а вы меня меньше любите, чем в прошлом году?

Сергей. Вот это да! Повзрослела крошка. И тебе любви захотелось! (Задумался.) Как интересно изучать эту житейскую психологию. Даже детскую. (Пауза.) Хочешь любви?

Юля. Конечно, хочется, очень хочется, чтобы был единственный, только мой родной человек и защитник. Чтоб можно было ему пожаловаться. Мама и бабушка меня не слушают, не понимают. Они хорошие, но сердятся уже сейчас, что не буду на их могилы ходить, цветы там сажать. Папу не пускают сюда, чтобы бабушка не болела. А папу я очень люблю. И его картины.

Сергей. А что ты, крошка, будешь делать со своим единственным?

Юля. Сначала буду с ним, как мама с папой, потом - как бабушка с дедушкой. А потом мы с ним умрем в один день. Никогда его выгонять не буду. Даже если у него наступит белая горячка. Обниму его, поцелую - и все пройдет.

Сергей (хохочет). Ох, уютно мне! Ох, согрела старика, крошка! Какая ты чистая! Ведь, небось, ни одной сигареты еще не покурила, губы пивом не обмочила. (Целует ее в голову.)

Юля. Спасибо, Сергей Прокофьевич!

Сергей и Юля в танце возвращаются к танцующим. Вадим и Валентина незаметно уплывают в коридор.

Александр. Окуджава мне ближе Дассена. Наверно, потому, что нет во мне французского легкого изящества. Я как-то духовно неряшливее, запутаннее, тяжелее французов.

Сергей (Хасану). Я почти вдвое моложе тебя, Хасан, но крепче душой. Я больше солдат, чем ты. Врезал бы свой за-

мок в двери своей комнаты. Да как они смели, эти родственнички мои, выгнать человека из его родной квартиры и впускать назад раз в год по чайной ложке! Да за такое в лучших домах Лондона, Парижа и Конотопа по голове бронзовыми канделябрами бьют!

Хасан. Я ведь заяц в душе. Расшумлюсь, а потом сожмусь дурачки, замучаюсь самообвинением и не могу рисовать и даже пить чай. Нет, физически-практически я совершенно не способен как-либо действовать, а только - в душе и на холсте, на бумаге. Вот письмо могу написать тому, кого люблю.

Сергей. Ещё анекдот. При Юле уже можно. Одна парижская проститутка спрашивает другую: а что это такое - чистая любовь? А та ей отвечает: это русские мужики придумали, чтобы не платить. *(Все тихо смеются.)* Change! (Чейндж!) Кавалеры приглашают дам.

Ольга. И я только письмами живу. *(Пауза.)*

Светлана. Мы здесь всё роднее друг другу становимся, а жизнь идет, идет, идет...

Витя приглашает Светлану, Сергей - Юлю, Хасан - Ольгу.

Александр. Мне с вами тут легче, светлее стало. Напряженность в душе ослабела. Чувствую теперь - вроде бы это я, я сам...

Ольга. Хасанчик, майский жук уже выбрался из лопухов.

Юля. Тетя Оля, ты видишь это в окно?

Хасан. Жук уже летит на березу.

Сергей. Стрекоза на сосне поломала прическу.

Светлана. Это что за такое волшебное абстрактное искусство?

Сергей. Это я опять включился в древнеяпонское хокку.

Светлана (Сергею). Какое научное ты знаешь! Ты же только фельдшер!

Сергей. Я одухотворенный фельдшер, будущий психиатр.

И только прячусь за всякими анекдотами от тягостного чувства неполноценности.

Хасан (Ольге). Я всегда неудобен для людей своей вялостью, растерянностью. Теряюсь в очереди в магазине, когда мне говорят, что я тут не стоял. Душа оживает лишь в творчестве, в общении с природой, с вами - духовно близкими мне людьми. И особенно - с женщиной, которую чувствую на большом расстоянии так, будто она живет во мне.

Светлана. Это, конечно, не я.

Хасан. Не ты, Свет. Ты как-то телесно рядом живешь. Я в твою булочную хожу.

Хасан с Ольгой, танцуя, выходят на авансцену.

Ольга. Хасан, любимый мой, я бы уже не жила без твоих писем.

Хасан. И ты, Ольга, и твои письма, и засушенные в них цветы, травы - все время в моей душе. Я доподлинно знаю теперь: невозможно мне жить без любви.

Ольга. И мне невозможно, Хасан. Я каждый день представляю, что и как ты рисуешь. Летом майского жука, стрекозу, а в мороз березу без листьев среди сугробов... Вот прикоснулась здесь к тебе, и этого хватит мне опять на год.

Хасан. И я всякое-всякое про тебя, про нас весь год представляю...

Ольга. Хорошо, что у нас с тобою все так, как есть. В семейном быту мы, наверно, измучили бы друг друга и потускнело бы то прекрасное, что в нас живет. А так всегда будет наша Любовь.

Юля (Виктору). Дядя Витя, над моей кроватью ваш фотографический портрет ежика висит в рамке.

Виктор. Я тебе еще кузнечика сниму с насадочной линзой - так, что он будет, как лошадка.

Юля. Спасибо! Вы так светло мне сейчас на душе сделали.

Входят в комнату взволнованные Валентина и Вадим.

Валентина (стараясь скрыть волнение). Ума не приложу, что нам делать с нашими бессмертными тараканами.

Сергей. Догонять и перекусывать пополам.

Вадим (держит руку в кармане). Довольно этих глупых шуточек, смешуечков. Цветочки-ягодки! Рожицы одуванчиков! Мне все понятно. Так знайте: я кое-кого нанял на случай, если со мной что-нибудь случится. (Валентине.) Весьма ловко с вашей стороны, мадам, познакомиться со мною на родительском собрании и пригласить в свой дом, чтобы показать рэкетирам. Я сразу их тут узнал, не лыком шит. Не останусь здесь более ни минуты. Среди этих разноцветных тараканов... (Показывает на картины Хасана.) Еще посмотрим... (Быстро уходит. Пауза.)

Сергей. Эх, не успел включить ему прощальный марш из оперы "Аида"!

Шум и смех среди оставшихся. Танцевальные пары расходятся. Валентина, положив голову на стол, рыдает. Ольга и Юлия гладят ее по голове.

Юля. Мамочка, успокойся. Ну, зачем мне второй папа?

Ольга. Не расстраивайся, еще найдешь себе какого-нибудь богатенького дружка.

Валентина. Пусть будет он самый сумасшедший на свете, еще хуже Хасана, Александра, Виктора и даже этого параноика, но только чтобы по-настоящему богатый был, чтобы знала, за что страдаю. Чтобы хоть Канарские острова увидеть, Италию, Гренландию с самолета в Нью-Йорк... Вот уеду к Степану в Тамбов! (Рыдает.)

Сергей (качает головой). Ждет тебя дядя Степа лететь с ним на курорт в Салоники, в Ниццу... Держи, дурочка, карман шире! Эх, вы, романтики, если посмотреть на вас всех по-психиатрически. На всех, кроме тетушки моей Серафимы Спиридоновны. (Пауза.)

Юля (бросается к отцу, прижимается к нему). Папочка, я

не хочу, не хочу без тебя жить! Мне как-то страшно без тебя жить!

Занавес.

Действие третье.

Та же комната примерно еще через час. Все, кроме ушедшего Вадима, сидят, сгрудившись за столом с самоваром и горящими свечами, пьют чай с тирожными из корзины Вадима. Валентина еще хмурая, отухшая от слез. За окном глубокие сумерки.

Сергей. В медучилище я был единственный парень в нашей девчачьей группе. Девчонки смеялись над моими анекдотами, но ни одна из них в меня не влюбилась. Такие все они инфантильные, как дети. А вот пациентки с бредом преследования и самоуничтожения - эти, да, в меня почему-то влюбляются. Мне же хочется, чтоб полюбила меня глубокая депрессивная женщина, старше меня лет на двадцать, с опытом жизни и любви.

Валентина. Что ты несешь, братишка?

Сергей. Да, влюбляются в меня все не те, в кого сам влюбляюсь, и вот стараюсь в душевном своем одиночестве, дабы отвлечься, рассказывать анекдоты, хорохориться, что уютно мне жить, а мне совсем не уютно.

Александр (Сергею). В тебя хоть кто-то влюблялся. А мне уже тридцать шесть лет... Если бы какая-нибудь женщина полюбила меня всей душой, по-бабьи, как своего единственного, разве я думал бы о веревке?

Светлана. Тебя еще обязательно любят...

Ольга (Александру). Никогда-никогда никто-никто тебя не любил?

Александр. Никогда и никто. Потому что, наверно, трудно полюбить человека с большими дозами антидепрессантов в крови.

Виктор. Человек не может точно знать, любят его или нет. Его могут любить тайно.

Ольга. Да, и тогда все время думают о нем, пишут ему письма и не отправляют.

Александр. Но если я об этом не догадываюсь - что мне от этого? Нет, никто меня не любил и уже никогда не полюбит. Страшно. *(Пауза.)*

Юля *(торжественно, серьезно).* Если вас, дядя Александр, никто никогда не любил и не любит *(пауза)*, то знайте, я тогда вас очень люблю.

Александр. Вот спасибо, Юлечка. *(Обнимает и целует ее в голову.)*

Валентина. И эта спятила. Вот она, наследственность. И вообще, кто дергал вас за язык с этими рэкетирами...

Виктор *(Валентине).* Сейчас уйду, мать, и не приду, когда позовешь кран чинить. *(Пауза.)*

Ольга *(Юле).* Как я тебя люблю за твою доброту, нежность, девочка. *(Обнимает ее.)*

Светлана. Подумаешь, он смотрел сверху на Гренландию!

Валентина. Не в Гренландии дело. Ты же это понимаешь - я жизнь люблю. Настоящие французские, итальянские платья, а не этот мешок. *(Трогает презрительно свое платье.)* Богатой красивой свободы хочется, а тут у мамы одышка и даже от какой-то кладбищенской ограды дурачки-глупо зависишь.

Сергей. У нас в отделении тоже такой Вадик есть с бредом преследования и богатства. Может, и у этого, нашего, никаких магазинов нет. А мне его все-таки жалко. Такой испуганный ушел.

Ольга. Богатеньких сейчас, в самом деле, и грабят, и даже пристреливают. Спокойнее и прекраснее жить потаенно-внутренним богатством души. Только бы денег было на ручку, бумагу и конверты.

Хасан. И еще на краски...

Светлана. Я так не умею. Мне и прозрачную душевную нежность, и яркие, пряные ощущения подавай. Не черно-серые, как у Вити на фотографиях, а разноцветные, сочно-пышные, как на японской фотопленке "Фуджи". Чувства должны быть до сумасшествия нежными, и тогда приходит что-то бурляще-ослепительное, испепеляющее. Но открыть, зажечь в тебе это пьянящее пламя из твоей же природы не всякий мужчина способен. А кто может, не хочет, лень ему. В этом трагедия, жуть невостребованной женщины. Ходишь и просишь жизни, как нищенка, а тебе ее не дают. *(Закрывает глаза рукой, размазывает рукой слезы.)*

Ольга. Могут быть и другие - внешне тихие, нежно-пастельные, размышляющие, но по-своему очень сильные чувства. Без опьянения, ослепительности, но так чудесно...

Хасан. Каждый, наверно, живет по себе, по своей природе.

Валентина. Без любовного ослепления - это жалкие, нищие чувства. Но в сегодняшней жизни, конечно, важнее всего богатство. Женщина должна быть свободна в своем богатстве, у нее должно быть много мужчин. И тогда скорее возможно зажечься этим пьянящим пламенем.

Юля. Мама, зачем же много мужчин?

Ольга. Чтобы больше было подарков.

Виктор *(кладет руку Юле на плечо)*. Ты видела бабочку по имени Адмирал? *(Светлане.)* Свет, я смог бы платить за тебя в студию живописи. Тут, недалеко...

Светлана. Дурачок ты мой серенький! Боже мой, что я говорю?! Что я говорю?! Вот разве похоже в гостях, что мы уже много лет вроде бы жених и невеста? Мне один постоянный покупатель в булочной, пенсионер уже, говорит: я знаю, Вы одиноки, я бы женился на Вас, но предупреждаю заранее, что буду в нашем совместном хозяйстве только посуду мыть. А я ему говорю: у меня жених есть, который еще и стирать будет, и сантехнику прекрасно чинит, и еще в элек-

тричестве разбирается. Господи, что я за чепуху несу!.. Я, наверное, больше воображаю свои острые, разноцветные чувства, мечтаю о всяких ярких ощущениях-переживаниях, нежели могу на самом деле их испытывать.

Виктор. Сирень у нас на лужайке уже отцвела, но через неделю загорится на солнце лиловый иван-чай. *(Пауза.)* Любовь - разная. Она может быть просто тихим, скромным добром. *(Пауза.)*

Александр. Надо внимательно, не торопясь искать, искать, даже в зеленой тоске, какие-то окошки душевного созвучия с людьми... Я с Витей согласен. Созвучие, доброта - это же, наверно, тоже любовь.

Виктор. Жить остается меньше и меньше. Надо бы побольше друг друга беречь, какое-то добро друг другу делать. В могилах уже не сможем... Посильное, маленькое, будничное, но добро, да? *(Александр.)* Два грамма добра, - как говорил черт-астроном в одном твоём рассказе. А то ведь умрешь - и, ежели прожил без добра, любви, то будто бы и вообще не рождался на свет.

Александр. Не могу объяснить, но чувствую, что настоящая любовь почему-то как-то остается навсегда. *(Пауза.)*

Ольга. Не могу расстаться со своим мужем-пьяницей в Оренбурге. Он отец моих маленьких дочек, и они любят его. И зарабатывает все-таки кое-что, потому что плотник. Но уже давно люблю одного человека. Не скажу, кто он. Это наша тайна. В сущности, я изменила с ним мужу. Но духовно, конечно. Поэтому перед девочками своими чиста.

Светлана. Как же чиста, если изменила?

Ольга. Потому что не физически изменила, а духовно.

Светлана. Духовно? Ну, это все так каждый день делают. *(Машет безнадежно рукой и смеется.)*

Ольга. Мой любимый - нежный, светлый и мохнато-затаенный, как майский жук. Мы пишем друг другу длинные письма. Простыми словами и тайными, никому не известными

ми знаками, иероглифами мы подробно и бесконечно входим в душу друг друга. И никто в бесконечном Космосе не знает о том, как мы с ним глубинно духовно близки. Никто не способен помешать нашему глубинному, невидимому со стороны соединению среди Природы. Наше волшебное переживание невозможно отделить от Природы. Природа напоена любовью, тем самым стройным согласием. Сумасшедший муж бьет меня, а я в это время думаю о своем любимом, единственном на Земле и в Космосе. Мне смешно, что муж и не представляет, как прекрасно мне все это думать, чувствовать, даже сквозь его оплеухи. В этом сказочном соединении, наверно, смысл моей жизни. Все, что делаю хорошего для своих девочек, других людей, освещено этим смыслом. Это так просто и так важно: он нужен мне, и я без него не могу, а я нужна ему, и он без меня не может. Вся моя жизнь стала как поздняя весна на нашей лужайке.

Виктор (серьезно). Как это хорошо и странно...

Валентина (плачет). А чего разревелась, не знаю. Чему завидую? Какой-то бред, маразм у сестренки, детский сад...

Александр. Не плачь, Валя. Когда ты плачешь, на тебя немного похожа Нефертити. Ведь этот застенчивый индюк, право, совсем чужой нам, потому что не способен любить. А ты своя, тоже несчастная, слабая, хотя и глупая, и Хасана мучаешь, выгоняешь. И все-таки почему-то своя...

Юля. Я никак не пойму жизнь. Не пойму, почему мама с бабушкой выгоняют папу, не дают нам с ним порисовать... Почему-то мне страшно стало жить без папы. Не понимаю, зачем живу...

Хасан. Рассуждением и не поймешь, дочка. Смысл в том, чтобы любить того, кого любишь, то есть делать ему всякое хорошее и испытывать при этом волшебное настроение в душе, исцеляющее от всех болезней и трудностей.

Александр. Да, ничего не остается, как любить каких-то людей, каких-то животных, какие-то растения. И этим жить,

пока не умрешь.

Сергей. Любить, даже если любовь безответна?

Светлана. Я не понимаю этой безответной, платонической философии, но что-то таинственно-хорошее здесь чувствую и даже, кажется, сама к этому как-то тихо иду.

Валентина (Ольге). Тебе хорошо, сестра! У тебя и чувство в душе к кому-то там, и длинные письма к нему, и деньги - такие, что и на поезд хватает. А у меня ничегошеньки нет. Хасан крохи приносит. Если б ты холодильник наш не наполнила, Юльке бы котлет не было на обед.

Ольга. Я тоже на всем экономлю. Просто не могу не приехать раз в году в этот дом.

Виктор. Свобода духа для меня превыше всего. А на овсяную кашу всегда хватит.

Ольга. Бедность по-своему хороша - никто не завидует, не просит денег. С ремонтом не надо суетиться: не на что его делать.

Юля. Любовь - это, наверно, когда думаешь, думаешь, думаешь о нем и хочется все время делать ему что-то хорошее, но стесняешься.

Светлана. В нашей булочной «Ольха» кое-что можно заработать. Так сейчас у нас празднично, красочно, не только хлеб, но и йогурт, заграничное мороженое. Не хочу в старую жизнь с очередями, уравниловкой.

Виктор (обнимает Светлану). Я бы мог любить женщину только при духовном, идейном созвучии с ней. Вот как сейчас.

Светлана. Нет уж, Витенька, мужчину и женщину связывает нечто более сильное - волшебные ощущения, нежность.

Сергей. Великий инстинкт!

Валентина. У мужчины еще должны быть деньги...

Сергей. Как в том грузинском анекдоте...

Валентина (Хасану). Когда ты писал мне в Тамбов такие

нежные письма, что я ревела над ними, как дура. И специально ходила в овраг смотреть, как цветет мать-и-мачеха, потому что ты про неё что-то там писал. Вот психоз-то был!

Александр. В Хасане, верно, есть что-то от майского жука и в то же время восточно-привлекательное. Это все - и в его этюдах, пейзажах.

Хасан. Благодарствую. Стараюсь жить по своей природе. А если пытаюсь притворяться, происходят со мной противные истерические взрывы, депрессии с лежкой на диване лбом в стену.

Валентина (с не просохшими еще слезами). И дурная энергия от тебя в это время по всей квартире гуляет. Боже мой, какой это был ад, когда мы здесь были каждый день вместе!

Хасан. А верно, Валя, поначалу у нас с тобою была влюбленность-охмеление, и это затуманивало нашу несовместимость характерами. Но вскоре влюбленность рассеялась, природа каждого из нас обнажилась и оказалось, что не можем найти даже малого окошка созвучия. Эти окошки, грани, верно, надобно искать и искать, но мы уже отчаялись разыскивать их. Как на коврике моего детства... Журавль упрекает Лису за то, что она не Журавль, а Лиса упрекает Журавля за то, что он не Лиса.

Светлана. Мы с Витей еще поищем наше окошко. Может быть, в самом деле, студия живописи... Хочу учиться выражать себя красками. (Виктору.) Поищем наше окошко?

Виктор. Согласен поискать.

Светлана. Хорошо, что ты сам стираешь. Я никогда не смогла бы стирать белье мужчины, мужа. Не знаю - почему.

Хасан (встает, Валентине). Итак, торжественно, при всех объявляю, что принимаю ваше с тещей предложение. Ты и твоя мать, Серафима Спиридоновна, можете похорониться на кладбище в ограде моего деда и моих родителей, рядом со мною. Мне же за это, как обещано, позволено будет при мо-

ей жизни раз в месяц приходит сюда к Юлечке, и еще - когда будут гости, как сегодня. *(Садится.)*

Валентина. Вот это благородно.

Хасан. Вчера был там - на кладбище. На дедушкиной могиле папоротник вырос, листья чистотела такие нежные, шелковые. Анютины глазки посадил и три свечки зажег - три вечно живые души. Я так ясно чувствовал души деда и родителей, когда стоял там, в ограде.

Валентина *(плачет)*. Не надо, Хасанчик, я знаю, ты все-таки хороший.

Сергей. Так, может быть, ему можно немного пожить здесь, в своей комнате?

Юля. Мама, пожалуйста!

Валентина. Нет, нет, это невозможно. Бабушка тогда сразу умрет. Хасан пойдет ночью в пижаме в туалет, и встретятся они в коридоре. Или ночью будет себе чай кипятить на кухне... Невозможно это...

Александр. Тяжела ты, нынешняя жизнь. Ем хлеб с крупной солью и кашу. А на картошку не хватает. Антидепрессанты же, нейролептики диспансер дает за бесплатно. И как-то удивительно, что клены, липы, незабудки, вся природа остается при этой новой тяжелой человеческой жизни по-прежнему чудесной. Она как бы призывает нас терпеть трудности ради нашей духовной свободы.

Хасан. Я готов терпеть. Ведь эта свобода так целебна для нас.

Валентина. Зачем мне свобода без богатства?

Виктор. Принес я старинный цыганский романс. Послушаем? Может быть, он будет нам поближе Дассена... *(Вставляет в магнитофон кассету.)*

Сергей. Цыганский! Ох, уютно мне сейчас будет!

Это песня К.Шиловского «Паутина» в исполнении Веры Донской. Все внимательно слушают и потом подпевают, обнявшись:

Нас связали гроз раскаты,
Запах зреющей малины,
Да колеблемые ветром
Нити тонкой паутины.

Ольга сидит рядом с Хасаном, Светлана - с Виктором, Юля - с Александром, Валентина - с Сергеем. Валентина с загадочно-глуповатым лицом поддается общему переживанию песни. (Пауза.)

Светлана. Здоровым, предприимчивым людям мы не нужны, да и нам с ними скучно... Надо бы нам крепче держаться друг за друга среди нашей чудесной природы.

Ольга. Так хочется, чтобы до самой смерти в душе сквозь проклятые тревоги, страхи, сердцебиения просвечивало это чудное, красочное ощущение поздней весны. Не ранней, воспаленно-хмельной, а поздней - мягкой, нежно-пышной, напоенной торжественной готовностью к любви. Майский жук выбрался из лопухов, Хасан.

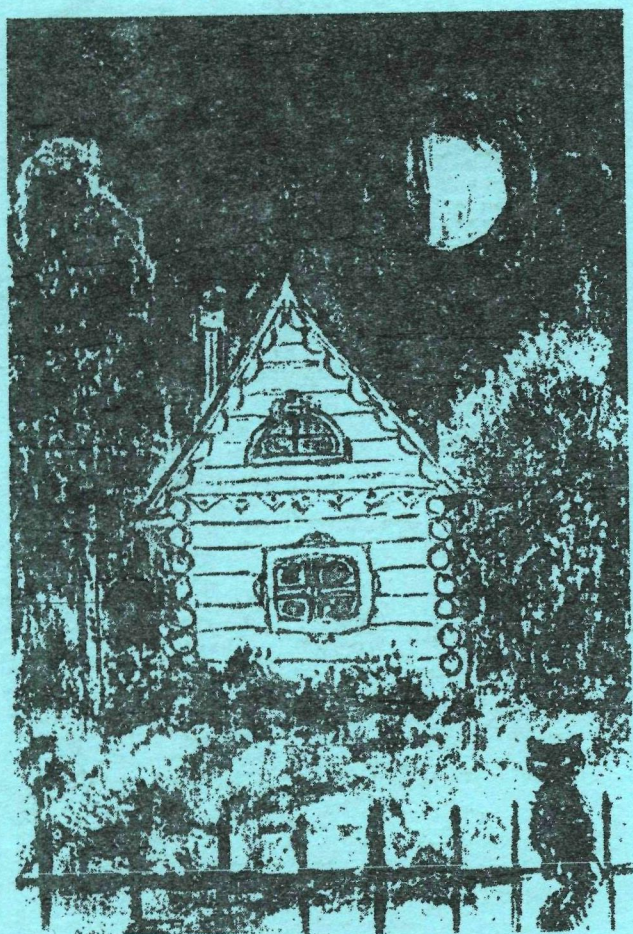
Хасан. И уже летит на березу.

Сергей. Стрекоза в кустах прищемила хвост. (Пауза.)

Юля (Александр). Дядя Александр, а вы теперь тоже будете писать мне длинные письма?

Александр смотрит на Юлю, улыбается. Лицо его светится.

Занавес.

Майская ночь на даче под Гжелью
Рис. Кошкаровой Р.